

Отец Бай Цзяньшэна когда-то занимал пост секретаря деревенской партийной ячейки. В те времена власть кадрового работника была неоспоримой: любая семейная ссора или соседская распря разрешались только при его участии. Цзяньшэн, с юных лет хвостиком ходивший за отцом, постепенно и сам приобрел в деревне некий вес. Неважно, чья корова забрела в чужой огород или кто не поделил межу — «Святоша Бай» неизменно оказывался тут как тут, готовый рассудить и наставить. Со временем это вошло в привычку, и сельчане сами стали зазывать его для решения своих проблем.

Вот и в тот день супруги Гу пригласили его к себе еще засветло. Принялись причитать и изливать душу: мол, сын совсем от рук отбился, о стариках не печется, денег в дом не шлет. Столько лет ждали его возвращения, надеялись хоть на подъемные крохи, а Гу Ли, этот дурень, взял да и раздал все государственные выплаты чужим людям...

Едва Бай Цзяньшэн выслушал их стенания, как наткнулся на Гу Цяна, который костерил брата на чем свет стоит. Расспросив его вкратце, юноша поспешил вслед за Гу Ли.

— Товарищ Гу Ли, — мягко начал он, поравнявшись с ними, — как говорится, в семье мир — в делах лад...

Мужчина наконец удостоил его взглядом. В это мгновение сердце Бая невольно екнуло. В деревне он привык иметь дело с малограмотными крестьянами, но теперь, встретившись глазами с бывшим офицером, он отчетливо осознал, какая между ними пропасть.

«Это не тот человек, который будет послушно внимать каждому моему слову»

Бай Цзяньшэн и сам был не из низких, но под этим тяжелым взором вдруг почувствовал себя так, словно стал на голову меньше.

Нахмурившись, он всё же продолжил: — Товарищ Гу Ли, тебя долго не было дома. То, что у родителей накопились обиды — вполне естественно. И именно поэтому я надеюсь, что ты проявишь сознательность и поставишь интересы семьи превыше всего. Не стоит принимать близко к сердцу слова, сказанные ими в порыве гнева.

Гу Ли молча выслушал его, никак не обнаружив своего отношения к услышанному, и лишь коротко спросил: — И что же ты предлагаешь?

— Все вы — одна кровь, и такие скандалы на людях выглядят некрасиво, — воодушевился Бай. — Я поговорю со стариками, убедлю их сменить гнев на милость. Пусть они не держат на тебя зла...

Ду Юньтин слушал это и поражался.

«Неужели этот человек и впрямь болен на голову?»

— Но ведь это деньги, которые заработал брат Ли! — возмутился он.

Пусть чжицин и не знал точных цифр армейского жалованья в те годы, но в одном был уверен: Гу Ли, будучи офицером с боевыми заслугами, получал в разы больше обычного работяги. Не зря ведь всё семейство Гу жило в таком достатке и неге — просыпались, когда солнце уже стояло высоко, работали лениво, вполсилы, и задолго до заката уже расходились по домам отдыхать.

Весь этот комфорт держался исключительно на аттестатах, которые присылал офицер.

И теперь Бай Цзяньшэн собирался советовать этим неблагодарным паразитам «не принимать всё близко к сердцу»? Ду Юньтин диву давался: из какого же теста сделана совесть этого святоши?

Собеседник недовольно покосился на юношу. Маленький чжицин, который поначалу показался ему смышленным и кротким, на деле оказался на редкость ограниченным малым, напрочь лишенным духа самопожертвования. — Разве можно в семье всё измерять деньгами? Почитать родителей — священный долг каждого. Или ты предлагаешь, чтобы отец с матерью сами выложили ему деньги?

Он заговорил наставительно, словно поучал неразумное дитя: — Деньги — прах, с собой в могилу их не забереешь. Товарищ Гу Ли, подумай хорошенько, не будь так привязан к земным благам.

Но Ду Юньтина было не пронять этой демагогией: — Почтение к родителям рождается из их любви и заботы. А если отец с матерью ведут себя недостойно, с каким лицом они смеют требовать денег от сына?

— Ты...

— Я вижу, ты, товарищ, очень печешься об общественном благе, — вкрадчиво произнес Ду Юньтин. — Давай тогда так: раз уж ты за масштабный подход, освободи-ка свой дом для семьи Гу. Мне кажется, они хотят разделить только потому, что их хибара слишком тесна. В просторном доме все обиды мигом забудутся.

Дом Бай Цзяньшэна был лучшим в деревне — просторный, светлый, один из немногих кирпичных строений в округе, крепкий и добротный. Услышав такое предложение, хозяин мгновенно изменился в лице. Благородство куда-то испарилось. — Не носи чепухи!

— Почему же чепухи? — Ду Юньтин вскинул брови. — У тебя семья маленькая, а у брата Ли — большая. Обменяетесь домами, и в деревне воцарится покой. Разве не об этом должен печься

человек, радеющий за «общее дело»?

Бай Цзяньшэн поперхнулся словами, не находя, что ответить.

— Или вот еще вариант, — продолжал подкидывать идеи Ду Юньтин. — Достань свои сбережения и отдай их старикам Гу под видом того самого пособия. И инцидент будет исчерпан. Разве не чудесно?

Тот не верил собственным ушам. С какой стати ему это делать?!

— Деньги — прах, с собой в могилу их не заберешь, — с глубоким вздохом передразнил его Ду Юньтин. — Товарищ Бай Цзяньшэн, подумай хорошенько, не будь так привязан к земным благам.

Его же собственные слова теперь звучали как самая злая издевка. Лицо «святоши» то бледнело, то наливалось краской, но возразить Юньтину было нечего. В конце концов он лишь злобно выплюнул: — Ограниченный элемент!

И, круто развернувшись, зашагал прочь. Походка его была неверной, плечи вздрагивали — видимо, оттого, что его еще никто в жизни так не осаживал. Даже затылок его, казалось, пылал от ярости.

Только тогда Ду Юньтин почувствовал истинное удовлетворение.

Таких людей он на своем веку повидал немало. Когда его отец скоропостижно скончался, мать одна тянула его на себе. Жизнь была тяжелой, и никто не спешил на помощь. Зато из-за красоты матери за их спинами вечно шептались, распуская грязные слухи, и запрещали соседским детям играть с маленьким Юньтином.

Но стоило женщине собраться замуж в семью Ду, как те самые соседи, которым раньше не было дела до их нужд, вдруг повылезали из всех щелей. И каждый изображал из себя самого преданного друга семьи.

«Как же так? Снова замуж? А о ребенке ты подумала?»

«В ту семью его заберешь? Ой, нехорошо... Мальчонка еще такой маленький, разве отчим сможет о нем позаботиться как родной?»

«Твой покойный муж к тебе так хорошо относился. Неужто не могла вдовой до конца дней остаться ради памяти его? Муж-то твой в гробу перевернется, если узнает, что сын чужую фамилию носить будет!»

«Я всегда говорила — не удержится она. С такой-то внешностью порядочной женщиной быть не может».

«Бедный отец Юньтина... Какая горькая судьба!»

Ахи да охи... Тьфу.

Подобных разговоров было в избытке, и стоило им выйти на улицу, как в них тут же начинали тыкать пальцами. В конце концов мать Ду Юньтина просто пришла к самой языкастой старухе в округе и, когда та открыла дверь, прямо в лоб заявила: — Послушайте, если вы возьмете на себя содержание моего сына, я никуда не пойду и замуж не выйду.

Старуха мгновенно позеленела, захлопнула дверь, и больше перед ними её никогда не открывала.

Ду Юньтин слишком хорошо знал породу таких «доброхотов» и очень боялся, что господин Гу может поддаться на их уговоры. Едва «Святоша Бай» скрылся из виду, юноша поднял глаза на мужчину и мягко, почти вкрадчиво произнес: — Брат Ли, ты только не слушай его...

Гу Ли отвел взгляд от удаляющейся фигуры и медленно перевел его на юношу. Лунный свет был ярким, и черты лица маленького чжицина проступали отчетливо. Мужчина видел его насквозь: в этих глазах не было ни капли лукавства или корысти. Они были чистыми и прозрачными, как родниковая вода.

Ду Юньтин бессознательно придвинулся чуть ближе. — Всё, что он наговорил, — это просто...

Он едва не выпалил «собачья чушь», но вовремя спохватился, решив, что перед господином Гу не стоит выражаться так грубо. — ...всё это полнейшая глупость.

Гу Ли едва заметно улыбнулся — уголки его губ на мгновение дрогнули.

Он снова зашагал вперед. Маленький чжицин семенил рядом, продолжая гнуть свою линию: — Правда. Дом нужно делить обязательно, и деньги свои тоже требуй назад. Ой!

Он внезапно наступил на острый камень, нога подвернулась, и юноша, потеряв равновесие, полетел вперед.

«Ах!» — вскрикнула Система №7777 от испуга.

Но не успела она и слова вымолвить, как мужская рука мгновенно подхватила его. Гу Ли нахмурился и крепко прижал Юньтина к себе, не давая упасть.

«Трус Ду» уперся ладонями в его широкую грудь, чувствуя, как бешено колотится сердце — то ли от страха, то ли от близости мужчины.

Гу Ли плотно сжал губы. — Под ноги надо смотреть.

Он помог юноше встать ровно, и его голос прозвучал низко и глухо.

В этот миг у Юньтина жажда близости победила все опасения. Он уже твердо стоял на ногах, но руки не убрал — напротив, крепко ухватился за край рубахи мужчины, сжимая в кулаке кончик ткани.

Как назло, луна в этот момент скрылась за облаком, и узкая тропинка мгновенно погрузилась во тьму. Маленький чжицин чуть склонил голову и, глядя на свои бледные пальцы, прошептал: — Брат Ли, мне совсем ничего не видно... Ты... ты не мог бы меня вести?

Тело Гу Ли на мгновение одеревенело.

Даже Сяо Лю, которая прекрасно знала, что её хост далек от образа невинного цветочка, почувствовала, как от этого голоса уровень тестостерона в крови мужчины должен подскочить до небес. Такой тон пробудил бы инстинкт защитника даже в камне. Если бы Ду Юньтин сейчас пожаловался на то, что море слишком глубокое, Гу Ли, не раздумывая, бросился бы закидывать его камнями, лишь бы угодить мальчишке.

Мужчина некоторое время молчал, но так и не велел ему отпустить одежду.

Так Ду Юньтин и прошел весь остаток пути. Он крепко держался за край рубахи, шагая по узкой тропе, оглашаемой стрекотом цикад. Издалека доносились заунывные напевы образцовой оперы, но по мере того, как они удалялись, звуки таяли в ночной тишине.

Деревенские ночи кишели насекомыми. Ду Юньтин их не то чтобы боялся, но, будучи натурой чистоплотной, старался обходить любую букашку стороной. Когда они уже подходили к его дому, юноша произнес: — Брат Ли, спасибо, что проводил. Я сейчас возьму ведро и схожу за водой, надо ополоснуться перед сном.

Гу Ли кивнул и коротко бросил: — Хорошо.

Юньтин скрылся в доме, а когда спустя пару минут вышел с пустым ведром, на пороге его уже ждала огромная бадья, полная чистой, прозрачной воды. Ему не нужно было спрашивать, кто её принес. Он коснулся ладонью прохладной поверхности, и на его губах заиграла довольная улыбка.

На следующее утро

К Ду Юньтину заглянула председательница женсовета. Она остановилась у входа и громко позвала: — Товарищ Юй Хань! У тебя найдется минутка?

Ду Юньтин поставил пустую миску после завтрака на стол и вышел. Женщине было уже за тридцать, говорила она громко и бойко, совмещая свою основную работу с обязанностями агитатора. — Товарищ Юй Хань, тут в правлении посоветались и решили: мы хотим пригласить тебя и товарища Гао Ли в группу по подготовке образцовых опер. Будете помогать нам нести культуру в массы.

Пение и актерская игра были теми вещами, в которых Ду Юньтин смыслил мало. — Товарищ председатель, но я никогда раньше не пел.

Женщина лишь махнула рукой: — Пустяки! Не умеешь — научим. Да и с таким-то лицом... Тебе на сцене и делать-то особо ничего не придется. Одной твоей внешности хватит, чтобы все девчонки в округе дар речи потеряли!

Ду Юньтин всё понял. Его просто решили использовать как «приманку», рассчитывая на то, что красота спасет даже бездарное исполнение. Впрочем, ничего удивительного. Образцовая опера — это тоже шоу, а любому шоу нужна искра. Красивый актер всегда вызывает больше симпатии и сопереживания, а значит, и нужный пропагандистский эффект достигается быстрее. Председательница положила глаз не только на него, но и на Гао Ли, намереваясь сделать их «лицами» труппы.

Вскоре прислали и Гао Ли. Когда они встретились, Ду Юньтин заметил, что на девушке буквально нет лица. — Что случилось?

Гао Ли взглянула на него. После вчерашнего разговора она чувствовала к нему расположение и не стала ничего скрывать. — Кажется, кто-то рылся в моих вещах.

Она слегка покраснела от неловкости. — Свою праздничную блузу я специально положила в самую глубину сумки...

Но вчера вечером она обнаружила, что одежда лежит почти сверху. Гао Ли была девушкой аккуратной, привыкшей складывать вещи стопочка к стопочке. А вчера блуза была скомкана так, словно её бросали в спешке.

В её душе поселилась смутная тревога, но заявить об этом открыто она не решалась. Ду Юньтин сразу всё смекнул и спросил: — Вы комнаты на замок не закрываете?

Гао Ли нахмурилась: — Да разве в таких хатах замки бывают? Это же комнаты соседей — дедушки с бабушкой.

Днем все взрослые на работе, и кто заходит в дом в это время — одному богу известно. Хоть девушка и подозревала неладное, сделать она ничего не могла. Их отряд только приехал, и начинать службу со скандалов было не в её правилах. — Может, мне просто показалось. Понаблюдаю еще.

Ду Юньтин так не считал.

Сестра «Святоши Бая», Гуйхуа, была воровкой со стажем. То у одних соседей что-то стянет, то у других — родители на это закрывали глаза, и девчонка в совершенстве освоила ремесло мелкого воришки. А поскольку крада она в основном детские безделушки, то когда обкраденные дети шли жаловаться, их родители списывали всё на забывчивость. Могли еще и собственное дитя поколотить за «вранье». Даже если подозрение и падало на кого-то, то всегда на известных деревенских сорванцов, но никак не на Гуйхуа.

Девчонка была на редкость льстивой, а авторитет её отца, бывшего секретаря, служил надежным щитом. Никому и в голову не могло прийти, что за ангельским видом скрывается маленькая воровка. Безнаказанность порождала наглость.

— В деревне всегда найдутся люди с липкими руками, — заметил Ду Юньтин. — Найди что-нибудь, чем можно подпереть дверь изнутри. Не хватало еще, чтобы пропало что-то по-настоящему ценное.

Гао Ли согласилась. Потеря блузы — не беда, но они приехали из города, и у каждого были при себе памятные или дорогие вещи. Если они исчезнут — это станет настоящей трагедией.

— Ладно, не будем о грустном, — встряхнулась она. — Давай лучше оперу учить.

Ду Юньтин договорился с председателем: репетиции будут засчитываться как агитационная работа на благо Партии. И хотя они не гнули спины в поле, им полагались трудодни — даже больше, чем остальным: по два в день на каждого. Женщина взялась за дело с энтузиазмом и в тот же день пригласила вчерашних артистов, чтобы те обучили новичков.

К счастью, у Ду Юньтина оказался идеальный слух, да и оперы эти строились больше на актерской игре и пафосе, чем на сложном вокале. Если гаркнуть как следует, вполне можно сойти за мастера.

К обучению он подошел со всей серьезностью. Вечером, вернувшись к себе, он продолжал репетировать, вышагивая по комнате:

— Взор мой на снежный танец устремлен, где горы в серебро облачены! Величественен северный простор! Земля отцов прекрасна и сильна, мощь вековая в воздухе дрожит! Не дадим врагу растоптать её святыни!

Ду Юньтин постукивал ручкой по столу, задавая себе ритм. Соседа в комнате не было — ушел куда-то к товарищам, — и Юньтин в одиночестве мурлыкал себе под нос, чем несказанно радовал Систему. Та время от времени даже давала ему советы.

«Добавь больше экспрессии! — вещал электронный голос №7777. — Ах, обожаю эту сцену из „Хитростью взять гору Вэйхушань“!»

Ду Юньтин поразился: «Ты и это смотрела?»

«Разумеется! — в голосе Сяо Лю послышалось возмущение. — Кто этого не видел?! Наш Главный Бог крутил нам это десятки раз!»

Ду Юньтин лишь мысленно покачал головой. «Вообще-то, многие не видели»

Он попробовал пропеть еще один отрывок. Несмотря на то, что окна были закрыты, звукоизоляция в хижине была символической. Спустя некоторое время «Трус Ду» задул лампу и улегся спать, и только тогда Гу Ли отошел от его окна.

Мужчина не мог описать словами, что творилось у него в душе. Оказавшись в одиночестве, он почувствовал глухое раздражение на самого себя.

Словно под действием чар: он честно пытался заставить себя не думать о юноше, но ноги сами, против воли, несли его к этому дому. Пока маленький чжицин пел внутри, Гу Ли стоял снаружи, вслушиваясь в каждый звук через тонкое стекло. Он слышал, как тот выстукивает ритм по столу, как старательно тянет ноты... Его чистый, звонкий голос, казалось, обрел собственные ноги и бесцеремонно пробирался в самую глубину души.

Несколько раз он порывался уйти. Не смог.

Гу Ли словно пустил корни под этим окном. В бледном свете луны эти ростки в его сердце крепили с пугающей скоростью. Он невольно похлопал себя по карманам. Человек, который никогда в жизни не курил, сейчас остро захотел затянуться крепким табаком.

«Нужно взять себя в руки»

Он понимал: это добром не кончится. Гу Ли слышал о подобных «наклонностях», но никогда не думал, что это коснется его самого. Несколько лет назад в деревне уже был такой случай: парень сошелся с кем-то из соседнего села. Их застукали за стогом сена в самый неподходящий момент, и какая-то языкастая баба разнесла весть по всей округе. Бедняги, побелев от ужаса, рухнули перед ней на колени, моля о пощаде.

Но всё было тщетно. Тайное стало явным. Вскоре их схватили, обвинили в преступлении и отправили за решетку. Обвинение звучало грязно и жестоко.

Мужеложство.

С тех пор в семьях об этих двоих даже не заикались. От стыда их просто вычеркнули из жизни. Тогда Гу Ли было всё равно. Но теперь, когда он представил на месте одного из тех несчастных маленького чжицина, он до боли сжал кулаки. Его кадык дернулся. Он поймал себя на мысли, что даже думать об этом невыносимо. Один лишь образ юноши за решеткой причинял ему такую боль, что хотелось крушить всё вокруг.

Он решил, что так продолжаться не может. Даже если это ради самого Юньтина.

Ду Юньтин с удивлением обнаружил, что больше не может встретить ни господина Гу, ни Бай Цзяньшэна.

С Баем-то всё было ясно: этот тип привык поучать всех в деревне, и когда он впервые получил такой жесткий отпор, то счел это несмываемым позором. После фиаско с Ду Юньтином он старался обходить его за версту, сосредоточив все силы на обработке родителей Гу Ли.

Старики Гу поначалу даже обрадовались его визиту. — Ну что? — с надеждой в голосе спросила старуха. — Наш-то дурень одумался? Деньги вернул?

Бай Цзяньшэн лишь тяжело вздохнул. Тон его стал сухим и холодным: — Забудьте. Его не переубедить. Гу Ли твердо решил отделяться.

Лица стариков мгновенно вытянулись. Впрочем, если подумать, в этом не было ничего плохого. У сына больше не было жалованья, да и постоянной работы тоже. Если он останется в семье, его самого придется кормить. — Разделяемся так разделяемся, — отрезала мать.

Только вот ни денег, ни жилья он не получит. Дом должен достаться старшему сыну, а все накопленные деньги отойдут младшему. Из всех детей Гу Ли был самым нелюбимым и угрюмым, вот его и не жаловали. А за долгие годы разлуки даже та слабая тень вины окончательно испарилась. — Нам ему дать нечего. Раз хочет жить своим умом — пусть на наш порог больше ни ногой.

Нынешний секретарь ячейки тоже заглянул к ним и, услышав такое, лишь покачал головой. Что за речи ведут эти двое? Секретарь попытался было вставить слово о справедливости, о том, что и Гу Ли положена его доля.

Но тут вмешался Бай Цзяньшэн: — В нашей деревне дом всегда остается тем, кто дохаживает родителей. Раз Гу Ли отделяется и не собирается о них заботиться, то и претендовать ему не на что.

— Истинно так! — старуха мгновенно ухватилась за этот аргумент. — Он меня годами не видел, с чего мне теперь на него надеяться?

Секретарь лишь потер виски.

«Послушайте, но вы же сами отправили его в армию! И этот дом, и эти деньги — не вы их заработали!»

Ду Юньтин тоже страдал от головной боли. Раньше встретить господина Гу было проще простого. Но теперь всё изменилось. Мужчина словно обрел крылья — он ускользал из-под самого носа Юньтина, и они больше ни разу не виделись. В душе юноши поселилась тревога.

«Он прав, — произнесла Система №7777. — Если вас застукают, из вас сделают показательный пример и отправят на каторгу»

Ду Юньтин помолчал, а затем тихо ответил: «Дело не в том, кто прав»

Он пояснил: «Двадцать восемь, я не знаю, как строятся судьбы в этих мирах. Но вполне возможно, что в следующем мире я больше никогда не встречу господина Гу»

Юноша не мог просто так сдаться.

«Неужели всё из-за 1997 года? До того времени мы будем осторожны. Будем таиться, чтобы никто не прознал. А когда придет время — я сам возьму его за руку. Это стоит того, чтобы рискнуть. Я должен попробовать»

Сяо Лю видела, что не в силах удержать хоста от этого безумного порыва. «Но Гу Ли тебя избегает»

Для Ду Юньтина это вообще не было проблемой. Он ответил с непоколебимой уверенностью: «Жди. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Я во что бы то ни стало затащу господина Гу в свою постель!»

Авторское примечание:

Трус Ду: «В моих снах господин Гу меня обнимает и целует». Господин Гу: «В моих снах я только и делаю, что обрабатываю землю». Трус Ду: «...Подождите, он ведь не меня имеет в виду под этой землей?»

<http://bllate.org/book/15364/1411666>